

елена ЛОГУНОВА

Любовные игры
по Интернету

Елена и Ирка

Елена Логунова

Любовные игры по Интернету

«ЭКСМО»

2006

Логунова Е. И.

Любовные игры по Интернету / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2006 — (Елена и Ирка)

Капитан милиции Сергей Лазарчук шутки ради дал объявление на сайте знакомств, да только ошибся и указал, что ему не 32 года, а 82! Ух, как оживились любвеобильные старушки! А одна из них, представившаяся Татьяной Лариной, сходу назначила рассеянному жениху свидание. Серега был решительно не готов встречаться с романтически настроенной бабушкой и отправил вместо себя хорошую знакомую – тележурналистку Елену. Пришлось ей развлекать престарелую невесту и прятать от нее капитана. Пока бабулю не похитили неизвестные на черном джипе! Вот не повезло Сереге! Хоть и не нужна ему Татьяна, а придется искать. Вот только кому она понадобилась?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Елена Логунова

Любовные игры по интернету

Глава 1

С тех пор как у нас появился ребенок, я перестала делать утреннюю зарядку, но не потому, что на это не хватает времени. Просто силовые упражнения по команде «На ручки!» прекрасно заменяют отжимания и подтягивания, а регулярный сбор разбросанных по полу игрушек и кубиков – приседания и наклоны.

Напрягая икроножные мышцы, я в утомительном полуприседе двигалась по комнате, собирала в охапку мелкое плюшевое зверье и приговаривала:

– Одну куколку беру, на другую – смотрю, третью – примечаю, а четвертая мерещится! – когда громко и настойчиво зазвонил телефон.

Прижимая к груди игрушки, я встала, переместилась в прихожую и сняла трубку.

– Ты дома? – даже не поздоровавшись, хмуро спросил Лазарчук.

– До одиннадцати, а потом...

– Никуда не уходи! – Приятель положил трубку.

Я, помедлив, сделала то же самое и озадаченно спросила мишек и кошек с пуговичными глазами:

– И как вам это нравится?

Зверюшки не выразили никаких эмоций, а вот я забеспокоилась. Лазарчук – капитан милиции, опытный опер, обычно он профессионально внимателен к деталям. Если, звоня мне на домашний телефон, Серега спрашивает, дома ли я, в пору предположить, что с ним что-то не так. Поэтому, когда капитан минут через пять возник у меня на пороге, я прямо спросила его:

– Что случилось?

– Стучилось ужасное! – мрачно ответил Лазарчук.

Я внимательно оглядела его. Приятель выглядел нормально – для забегавшегося опера, конечно. Слегка не брит, чуток лохмат, несколько красноглаз, помят, но цел и невредим.

– Опять овсянка в кастрюле пригорела? – строго спросила я. – Или ты снова прожег утюгом парадный пиджак?

Такого рода мелкие бытовые катастрофы у Сереги случаются частенько, ибо он холостяк, которого я и моя подруга Ирка никак не пристроим в добрые руки. Руки-то находятся, но Лазарчук из них вываливается, как мяч из баскетбольной корзины.

– Гораздо хуже! – Серега сначала помотал головой, а потом прицелился и стукнулся лбом о стенку.

Я поняла, что диапазон вероятных ужасов надо расширить. Пожалуй, от поломки стиральной машины до начала третьей мировой войны, о которой Лазарчук мог узнать по секретным милицейским каналам.

– Она будет уже сегодня, в одиннадцать ноль-ноль! – в отчаянии вскричал капитан.

«Скорее третья мировая война, чем стиральная машина!» – встревоженно подумала я.

И осторожно спросила:

– А остановить ее никак нельзя?

– Как ее остановить? Гранату в нее метнуть? – язвительно спросил приятель.

«Нет, скорее стиральная машина, чем третья мировая!» – с некоторым облегчением подумала я.

Мне тут же привиделось, как Лазарчук распахивает дверь ванной комнаты, бросает «лимонку» в стеклянное око идущей вразнос стиралки и валится за угол на пол, в падении прикрывая голову руками. Я непроизвольно тоже схватилась за голову и пробормотала:

– Страшное дело!

– Страшное, – с готовностью согласился Лазарчук.

Он отвернулся от меня, привалился спиной к стене и проникновенно пожаловался вешалке с одеждой:

– Я погибну!

«Все-таки война!» – огорчилась я.

Сергея перевел взгляд, искрящийся скупой мужской слезой, с жизнерадостной морды Микки-Мауса, вышитого на спине Масынькиной курточки, на мою вытянувшуюся физиономию и убежденно сказал:

– Но ты мне поможешь!

«Стиралка!» – обрадовалась я и облегченно вздохнула: если вся проблема в том, что капитану к одиннадцати часам нужно выстирать какое-то бельишко, то моя прекрасная автоматическая стиральная машина с отжимом и сушкой в его полном распоряжении. Я даже покажу, какие кнопочки нажать.

Однако никакого узелка с бельем при Серге не было.

Я плохо переношу нервные потрясения натошак, а пугающие загадки Лазарчука меня здорово беспокоили.

– Ты завтракал? – смахнув пот со лба хвостом игрушечной белки, спросила я удрученного приятеля. – Пойдем пить чай с сырниками, заодно и поговорим.

Мы перешли в кухню, Лазарчук понуро уселся на табурет, а я быстро организовала завтрак на четыре персоны – с учетом того, что Сергей обычно ест за троих. Однако на этот раз у капитана не было аппетита. Без энтузиазма прожевав один-единственный сырник, он потянулся за чаем, и мне показалось, что в чашку упала слеза – наверное, та самая, скупая, мужская.

– Расскажи мне все с самого начала, – мягким голосом психотерапевта со стажем попросила я.

– Угу, – угрюмо согласился Сергей.

И рассказал.

Как выяснилось, во всем был виноват Интернет. Подбиваемый приятелями, которые взахлеб рассказывали ему о своих опытах виртуального межполового общения, Лазарчук сделал себе страничку на сайте знакомств. Чин-чинном заполнил анкету, указал как параметры грезящей ему идеальной подруги, так и собственные характеристики, но не заметил, что сделал одну маленькую, но чреватую серьезными последствиями ошибку. Сергей допустил опечатку в графе «Ваш возраст»: вместо 32 написал 82!

– Однако! – сказала я. – Наверное, ты получил не слишком много писем от заинтересованных дам!

– Ошибаешься! – со странной гордостью возразил Лазарчук. – Девушки меня просто завалили сообщениями! Главным образом, правда, спрашивали, реально ли в таком преклонном возрасте сохранить деятельный интерес к противоположному полу. Мне это показалось забавным, и я немного поиграл в старичка-бодрячка – просто так, шутки ради. А она приняла все это баловство за чистую монету!

– Она?

– Татьяна Ларина! – проговорил Сергей с таким ужасом, с каким мог бы сказать: «Горгона Медуза!».

– Пушкинская? – не удержалась я.

– Ага! Подружка дней моих суровых! – Лазарчук усмехнулся. Усмешка была кривая, как ноги старого кавалериста. – Бабушка Таня решила, что мы с ней созданы друг для друга, и сегодня приезжает знакомиться со мной вживую!

– Ага, – наконец-то я начала что-то понимать. – Так это она прибывает сегодня в одиннадцать ноль-ноль?

– На железнодорожный вокзал, – кивнул Лазарчук.

– А фальшивый дедушка Сережа не хочет знакомиться с бабушкой Таней?

Капитан замотал головой.

– Друг мой, почему же ты не отговорил эту не по возрасту влюбчивую даму отправляться в романтическое путешествие? – не без укора спросила я.

Поведение приятеля казалось мне как минимум безответственным. Влюбил в себя доверчивую старушку, даже не подумав о последствиях! Возможные последствия виделись мне в виде скупых строчек некролога под обрамленной черным крепом художественной фотографией растрепанной седовласой простушки с трагически заломленными руками.

– Так я же не знал! – Лазарчук поднял на меня глаза, до краев наполненные душевной мукой.

Я пожалела его и сразу же простила обиду, нанесенную в морщинистом лице бабы Тани всем романтическим дурочкам современности.

– Представь, она решила сделать мне сюрприз! – простонал капитан. – Отправила по Сети сообщение: «Встречай на вокзале завтра, в одиннадцать ноль-ноль. Скоро увидимся, целую!» – и после этого ни ответа ни привета! Видать, в спешке метнулась на первый же попутный паровоз!

– Прелестная история! – сказала я, с трудом удерживаясь, чтобы не засмеяться. – И чего же ты хочешь от меня?

– Ты должна встретить Татьяну Ларину на вокзале, развернуть ее и отправить туда, откуда она приехала! – заявил капитан.

– Почему я? Сам и отправь! – предложила я. – Тебе же необязательно признаваться, что Сергей Лазарчук – это ты. Назовись собственным внуком, скажи, что дедушка Сережа тяжело заболел и врачи строго-настрого запретили его беспокоить, так что посещения страждущего отменяются и знакомство придется отложить до лучшего времени.

– Я бы предпочел отложить его до лучшего мира! – пробурчал Лазарчук. Он яростно взлохматил свою вихрастую макушку. – Штука в том, что я никак не могу сегодня в одиннадцать часов быть на вокзале! Мне через полчаса Петьку сменять, мы с ним по очереди сидим в засаде, ждем лифтового маньяка.

– Вот пусть Петька и встретит бабушку! Наверняка управиться с ней будет не труднее, чем с маньяком!

– Ты что? – Лазарчук строго посмотрел на меня и даже постучал по столу пальцем. – Это же очень деликатный вопрос! Во-первых, надо уважать чувства старушки. Думаю, ты сможешь проявить гораздо больше такта, чем лейтенант Белов. А во-вторых, я не хочу, чтобы наши парни узнали об этой истории. Петька – жуткое трепло, он все разболтает, и меня потом все УВД век дразнить будет!

– Мне к двенадцати часам нужно на работу, – уже сдаваясь, напомнила я.

– Так от вокзала до вашей телекомпании пять минут пешим ходом! – поднажал Лазарчук, почуяв слабость. – Быстренько дашь старушке от ворот поворот – и бегом в студию!

– А если она будет упираться? А если подходящего ей поезда в это время не будет?

– Тогда ты что-нибудь придумаешь! – уверенно сказал капитан, вскочил с табурета и сдернул со стула меня. – Елена, я в тебя верю! Ты у нас большая мастерица морочить людям головы и лезть к ним в душу, не зря тебя доверчивые телезрители любят, как родную.

– Спасибо, конечно. – Я вяло поблагодарила Серегу за сомнительный комплимент и оказанное доверие. – Но...

– Никаких «но»! – железным тоном сказал капитан Лазарчук. – Ты мне друг?

– Друг, – вынужденно согласилась я. – Но истина дороже!

– Истина – в вине! – Капитан ответил на афоризм афоризмом. – С меня бутылка самого лучшего французского шампанского! Спасешь меня от любвеобильной бабушки, уладишь эту историю – и можешь считать, что я твой должник!

Поторапливаемая капитаном, нетерпеливо переминающимся в прихожей, я быстро оделась к выходу, собрала сумку и уже через полчаса ступила на раскаленный перрон железнодорожного вокзала. Лазарчук, послав мне воздушный поцелуй, умчался прочь. Чувствовалось, что с лифтовым маньяком ему будет встретиться гораздо приятнее, чем с любвеобильной бабулей Лариной.

– Мужчины! – не без презрения сказала я, разворачиваясь к железнодорожным путям.

Каким рейсом прибывает в наш солнечный южный город Татьяна, милая Татьяна, я не знала. А выбор у меня был большой! Курортный сезон уже начался, к морю и от него поезда бежали частой цепью, как трудолюбивые муравьи. На каком перроне и на какой платформе мне искать самозваную подружку суровых дней капитана Лазарчука? И как она выглядит? «Бабушка Ларина», – сказал о своей виртуальной знакомой Серега. Бабушка – понятие растяжимое! При большом желании ею можно стать и в тридцать пять!

Чтобы охватить взглядом все перроны, я поднялась на мост, протянувшийся высоко над путями. Сверху просторная площадь, разлинованная, как нотный стан, была как на ладони, но рассмотреть в густой толпе встречающих-провожающих и прибывающих-отъезжающих отдельно взятого человека представлялось задачей весьма и весьма непростой.

– Ну и ладно! – сказала я в утешение самой себе. – Не встречу я ее – и ничего страшного не случится! Позагорает немножко на платформе и сама отправится восвояси.

Однако июньское солнце, приближающееся к зениту, пекло нещадно. Я подумала, что бабушка Ларина серьезно рискует получить тепловой удар. Это было не в моих интересах. Обморочную старушку не удастся сбить с рук, запихнув в вагон!

Я сосредоточилась на неподвижных фигурах, рассудив, что бабуля Ларина вряд ли будет судорожно метаться по перрону, хватая за грудки всех встречных старичков в надежде случайно поймать дедушку Сережу Лазарчука. Хотя... Кто ее знает! Похоже, старушка на зависть темпераментна и порывиста!

Подумала я так – и тут же увидела на платформе номер три, у киоска с пирожками, высокую прямую фигуру в темном платье до пят. Над головой дама держала раскрытый зонт сочного розового цвета, у ног ее кротко, как раскормленный мопс, лежал старомодный пухлый саквояж. По левую руку дамы суетились граждане, встречающие поезд дальнего следования, по правую – толпился народ, жаждущий погрузиться в пригородную электричку, а особа в темном оставалась неподвижной, как фигура на шахматной доске в отсутствие игроков.

– Е-два – Е-четыре! – сказала я, разыгрывая классический шахматный дебют. – Белые начинают и выигрывают!

Белыми, в противовес черной фигуре старушки, я назвала нас с Лазарчуком.

Не будучи провидицей, я еще не знала, что в этой необычной игре фигур будет больше, чем в шахматной партии.

Глава 2

На глаз старухе было лет семьдесят, но держалась она так, словно имела счастье быть выпускницей Императорского института благородных девиц: спина прямая, плечи расправлены, подбородок высоко поднят. Однако взгляд выдавал ее растерянность – старая дама старательно высматривала кого-то в толпе. Я перехватила ее взгляд, дружелюбно улыбнулась, подошла поближе и сказала:

– Бонжур! – почему-то меня потянуло заговорить на французском, которого я вообще-то не знаю.

Интуиция меня не подвела.

– Бонжур, ма шер! – оживилась старуха.

Она мелодично прощепетала еще что-то, но тут уж я вынужденно перешла на родной язык, хотя бабушкиным французским можно было заслушаться – прононс у нее был великолепный.

– Вы Татьяна Ларина? – спросила я.

Бабушка подумала немного, словно переводя мой вопрос с русского на язык Гюго, Бальзака и обоих Дюма, а потом просияла улыбкой и согласно кивнула.

– А я Лена. Сергей Петрович Лазарчук не смог вас встретить и попросил это сделать меня, – сказала я и старательно сморщила лицо в неискренней плаксивой гримасе. – К несчастью, бедненький Сергей Петрович заболел, и очень тяжело, так что вы никак не сможете с ним увидеться.

– А что случилось с бедненьким Сергеем Петровичем? – забеспокоилась Татьяна Ларина.

– У него эта... как ее... – Я не успела заранее придумать Лазарчуку добрую хворь, пришлось импровизировать. – У Сергея Петровича рожа! Очень тяжелое заболевание, притом заразное.

Я улыбнулась. Это было не в тему, но мне показалось, что я очень хорошо придумала и даже почти не соврала. Могу чем угодно поклясться, что рожа у Лазарчука еще та!

– Татьяна... Как вас по отчеству?

Бабуля, помедлив, ответила:

– Просто Татьяна.

– Татьяна, откуда вы к нам приехали?

– Оттуда, – старуха просторным взмахом руки охватила сразу две стороны света из четырех возможных.

Я кое-как сориентировалась по железнодорожным путям:

– С Севера? А из какого населенного пункта?

Этот простой вопрос заставил Татьяну задуматься всерьез и надолго. Я уже решила, что бабуля глуховата и не услышала вопроса, когда она вдруг призналась:

– Я не помню.

– Вы забыли, где живете? – Я неприятно удивилась, что господь послал мне склеротичку, но еще сохраняла спокойствие. – Давайте заглянем в ваш паспорт.

И мысленно добавила: «Заодно и ваше отчество узнаем». Называть за просто по имени женщину, которой я годилась во внучки, было как-то неловко.

– Давайте, – легко согласилась Татьяна.

Она наклонилась, подняла с земли саквояж, и тут я увидела, что в его потертом рыжем боку зияет косой разрез, похожий на ехидную ухмылку. Меня охватило дурное предчувствие.

– Эта дырка тут так и была? – обеспокоенно спросила я, указывая на не предусмотренную конструкцией саквояжа прорезь.

– Что? Ах! Мой бог! – Старушка судорожно вздохнула и поспешно раскрыла саквояж. – Меня ограбили!

– И что украли? – спросила я, предугадывая ответ.

– Документы, деньги, ключи – все! – Руки Татьяны, отчество которой мне так и не посчастливилось узнать, затряслись. – Ах! Что мне делать?!

– Вы только не волнуйтесь, – сказала я, сама уже волнуясь. Не хватало еще, чтобы эту бесхозную бабулю удар хватил! – Давайте мы уйдем отсюда в какое-нибудь тихое место и там спокойно подумаем, что вам делать.

Ничуть не менее остро стоял вопрос, что же теперь делать мне самой? Через двадцать минут начинается рабочий день в моей родной телекомпании, опаздывать я не могу, надо на съемку ехать. А куда девать ограбленную склеротичку бабушку Ларину?

Подумав немного, для начала я отвела ее в прохладный зал ожидания на втором этаже нового здания железнодорожного вокзала, но это была полумера. Заботливо усадив старушку в мягкое кресло, я под предлогом необходимости купить ей минеральной водички убежала в другой конец просторного зала и под прикрытием торгового автомата позвонила на мобильный Лазарчуку. Серега злокозненно не отзывался. Я вспомнила, что он сидит в засаде и наверняка выключил телефон, чтобы не спугнуть своего маньяка. Выбора у меня не было, пришлось звонить Белову.

– Петенька, спаси меня! – взмолилась я, едва услышав голос лейтенанта. – Я на работу опаздываю, а тут эта бабка, не знаю, как от нее избавиться!

– К тебе побирушка пристала? – неправильно понял меня Белов. – Гони ее в шею – и все дела!

– Ее нельзя в шею, она и так натерпелась, ей сумку порезали и украли деньги и документы!

– Ага, слушай ее, она тебе еще не то расскажет! – Лейтенант фыркнул и жалостливо затыкнул: – Люди добрые, помогите, кто может, Христа ради! Деньги украли, от поезда отстала, дом сгорел, голодаю и скитаюсь, подайте кому сколько не жалко на прокорм мужа-инвалида, пятерых малых детушек, десяти внуков и двадцати правнуков!

Получалось у Петьки хорошо, артистично, рука сама тянулась за мелочью, чтобы насыпать ее в протянутую милицейскую фуражку попрошайничающего лейтенанта, но мне в данный момент было не до шуток.

– Кончай придуриваться! – рассердилась я. – Бабка никакая не побирушка, вполне приличная старуха с подобающими возрасту склерозом и маразмом. Она торчит на вокзале и не знает, куда деваться, потому что адреса своего не помнит, а паспорт у нее свистнули.

– То есть денег и документов у странницы нет, а склероз с маразмом имеются? – Белов посерьезнел. – Тяжелый случай. А ты-то тут при чем? Сдай бабулю на руки ребятам из линейного управления внутренних дел на транспорте, вокзал – это их территория.

– Сдай ты, а? – попросила я. – У меня могут не взять.

– Могут и не взять, – согласился Петька. – Беспамятная старушка без документов – что чемодан без ручки. Ладно, я сейчас позвоню кому надо. Вы с бабусей где обретаетесь?

– В зале ожидания на втором этаже.

– Сиди пока там, жди. Я обеспечу тебе смену караула, – пообещал Белов.

Я купила в автомате банку холодной воды и отнесла ее Татьяне, которая приняла скромное угощение монаршим кивком и пила из жестянки так величественно, словно это был золотой кубок с камнями. Минут через десять в зал вошли два молодых парня в форме.

– Пардон, – впечатлившись бабулиными манерами, я снова перешла на французский, но моего словарного запаса опять хватило ненадолго. – Я оставляю вас на пару минут.

Шаркнув ножкой, я полетела навстречу родной милиции.

– Доброе утро, господа хорошие! – Я улыбнулась так, словно верила в то, что сказала. – Бон, так сказать, жур! Это из-за меня вам звонили.

– Это и есть чокнутая старушка? – подняв брови, спросил один из милицейских парней другого.

Служивые были похожи друг на друга, как сказочные «двое из ларца одинаковы с лица».

– Я похожа на старушку? – обиделась я, переводя взгляд с одной каменной физиономии на другую.

– Она не похожа на старушку, – покачал головой второй милиционер.

Парни общались между собой, а меня игнорировали.

– На старушку она не похожа, а вот на чокнутую... – сказал первый.

– Чем это? – против воли заинтересовалась я.

– Мало ли чокнутых? – философски сказал второй. – А нам старушка нужна.

Поверх моей головы они быстро оглядели зал.

– Вон старушка! – обрадовался первый. – С виду очень даже чокнутая. С зонтом.

– Берем, – согласился второй.

Плавнo обойдя меня с разных сторон, они устремились к Татьяне Лариной. Я осталась на месте посмотреть, что будет. Но ничего особенного не произошло: разговора милицейских молодцев с бабушкой я не слышала, но видела, что общаются они не просто мирно, а даже любезно. Татьяна поднялась, один из парней заботливо поддержал ее под локоток, второй подхватил с пола препарированный саквояж, и троица неторопливо удалилась. Я облегченно вздохнула. Спасибо Петеньке Белову, помог мне передоверить заботу о бесхозной старушке ответственным милицейским товарищам!

Я вышла из здания вокзала и обнаружила, что в небе неожиданно быстро сгустились грозовые тучи. Но это не испортило мне настроения. Радостно улыбаясь прохожим и весело помахая сумочкой, я легкой поступью устремилась в нашу телекомпанию. Бабка-вахтерша приветствовала меня широким взмахом вязального крючка, а из родной редакторской донесся умопомрачительный аромат свежесваренного кофе и еще чего-то вкусного, вроде ванили. Мой напарник, оператор Вадим, некоторое время назад освоил хитрый способ приготовления бодрящего напитка из молотого кофе в микроволновке и с тех пор без усталости совершенствовал свой рецепт.

– Ку-ку! – весело сказала я, входя.

За окном уже гроыхало, и первая слепящая молния сверкнула по диагонали окна, которое не мешало бы закрыть. На подоконник шлепнулась крупная капля.

– Сама ку-ку! – огрызнулся Вадик.

Мой друг и товарищ был ориентирован к двери тылом, а его лицо и часть головы помещались в открытой микроволновке.

– Вадик, встань ко мне передом, к печке задом! – попросила я, закрывая окно.

– Не могу, – буркнул напарник. – В функции моего зада мытье загрязненных поверхностей не входит!

– Только загрязнение мытых! – заржал второй наш оператор, Женька, помахав мне ручкой с гостевого дивана. – Привет, Ленка! Не обращай внимания на позу Вадика, ничего личного, просто у него из экспериментального кофе с пломбиром этот самый пломбир взял да и сбежал, и приходится теперь Вадюше мыть казенную печку.

– А кроме экстренных помывочных работ, какие-нибудь другие у нас сегодня планируются? – поинтересовалась я, устраиваясь за своим рабочим столом.

– Предполагаются съемки дежурных новостей и рекламного ролика для косметической фирмы «Мамзель Маргарита», – ответил Вадик, вынырнув из печки. – Загляни в ящик, у тебя в столе образцы продукции и буклет.

Я послушно выдвинула ящик и одну за другой достала из него шесть круглых баночек с однотипными наклейками. Если верить надписям, в баночках содержался крем, вернее, кремы различного назначения. Четыре из шести косметических средств назывались непритязательно и строго по существу: «Крем для лица», «Крем для рук», «Крем для ног», «Крем для тела». На пятой баночке было написано: «Крем для мужчин», а на шестой – «Крем от бабушки».

– Что это за дискриминация такая? – обиделся Вадик. – Женщинам, значит, аж четыре крема для разных частей организма, а нам, мужикам, один на все?

– Включая обувь! – поддакнул Женька.

– Ребята, с вами еще нормально обошлись, вы посмотрите, как бабушек обидели! – возразила я. – Как вам это нравится – крем не для бабушки, а от нее?

– Кремом от комаров мне пользоваться приходилось, от бабушек – никогда, – сказал Вадик. – Я что-то пропустил? Что, в летний период вредные старушки становятся особенно назойливы?

– Возможно! – невольно задумалась я, вспомнив прицепившуюся к Лазарчуку бабулю Ларину.

– Минуточку! То есть этот дивный крем защищает пользователя от бабушки? – живо заинтересовался Женька, у которого были неважные отношения с вредной и назойливой тещей. – А при регулярном использовании, возможно, и вовсе избавляет от нее?! Скажите, а на какое место нужно намазывать это чудесное средство?

– На дверной косяк и порог, – посоветовал Вадик. – И бабушка улетит от вашего дома, как моль от нафталина!

– Положи на место! – Я не позволила Женьке опустить в карман баночку и углубилась в изучение буклета.

Из этого красочного рекламного издания я выяснила, что название «От бабушки» имеет тот же смысл, что и словосочетание «От автора». Это косметическое средство изобрела сама мамзель Маргарита, а она хотя и девица, но хорошо выдержанная, лет шестидесяти, стало быть, условно – бабушка.

Разумеется, я продолжила думать о другой бабушке парижского розлива – благородной институтке пенсионного возраста Татьяне Лариной. Мне ужасно захотелось рассказать коллегам жизненный анекдот о виртуальном романе милицейского капитана и влюбливой старушки, но я не знала, как бы это сделать так, чтобы не выставить на посмешище Лазарчука, с которым и Вадик, и Женька прекрасно знакомы. Пока я думала, достаточно ли будет назвать героев вымышленными именами и перенести действие в другой город, дверь редакторской открылась, и в кабинет плавно вкатилась наша секретарша Верочка – эффектная девица, в фигуре которой преобладают крупные сферические формы.

– Мамай велел послать вас, – сквозь жвачку флегматично молвила красавица, положив на стол передо мной листок с коротким текстом, над которым вместо заголовка старательным ученическим почерком было выведено трудное слово «Тилифонаграма».

Я в очередной раз изумилась, насколько свободно владеет Верочка русским языком в его письменной форме. Редкий дар, особенно для секретаря-референта! Впрочем, в телекомпании давно и упорно ходят слухи, что наш главред держит Верочку в секретаршах за совсем другие таланты. Поэтому Вадик осмотрительно дождался, пока шаровидная красотка выкатится из редакторской, и только тогда выразил желание послать куда-нибудь самого Мамай в качестве ответного жеста доброй воли. И даже сделал этот самый жест, экономно обойдясь всего одним средним пальцем.

– Фу! – укоризненно сказала я и поднесла поближе к глазам листок, который благодаря заголовку, начертанному грамотейкой Верочкой, превратился в шедевр эпистолярного жанра.

К счастью, сам текст был написан разборчивым почерком нашего главного редактора Мамаева, которого мы называем Мамай, или Большая Мамочка. Судя по записям, главред сегодня изъяснялся в телеграфном стиле.

– На Короткой «КамАЗ» сошел с рельсов. Крыша завалила маршрутку. Пассажиры спасаются вплавь, – прочитала я с листа и подняла глаза на коллег. – Кто-нибудь что-нибудь понял?

– Нет, – честно признался Женька. – Но мне очень интересно. Особенно про плывущих пассажиров. Откуда они взялись? Может, там еще пароход был?

– А мне интересно, что значит «КамАЗ» сошел с рельсов»? – задумался Вадик. – Это то же самое, что «сошел с катушек»? У Стивена Кинга одна свихнувшаяся газонокосилка уйму народа замочила, а что мог натворить бешеный «КамАЗ» – просто страшно представить! В таком разе пассажиры вполне могут плыть по морю крови!

– Опять же, если крыша серьезная и она кого-то там завалила, то это точно мокрое дело! – почесав репу, рассудил Женька. – Похоже, вас послали снять репортаж в «Криминальный вестник».

– Поехали посмотрим, – сказала я и встала из-за стола.

Вадик сноровисто собрал свои операторские бебехи, мы оторвали от телевизора в холле водителя Сашу, все вместе погрузились в красный «жигуленок», прозванный за цвет и нрав «Ред Девил», и сквозь бесшабашную июньскую грозу помчались на улицу Короткую. А там нам открылась картина, которую Вадик прокомментировал так:

– Воистину нет ничего более невероятного, чем правда!

Я согласно кивнула. Удивительно, но незабываемая «тилифонаграма» оказалась правдивой, как бесстрастный милицейский протокол! Так что мы просто добавили к имеющемуся у нас краткому описанию событий подробностей.

«КамАЗ» с грузом песчано-гравийной смеси въехал в город со стороны Грушевского моста, догоняя грозу, которая двигалась тем же курсом, но с получасовым опережением. Эта фора позволила безответственному летнему ливню превратить одностороннюю улицу Короткую в роскошный плавательный бассейн с длиной дорожки в сотню метров. «КамАЗ» на заплыв не решился и попытался обойти стихийно возникшее водно-спортивное сооружение сбоку, по незатопленным трамвайным путям, но соскользнул с них и ударил боком в подпорки старого навеса над трамвайной остановкой. К счастью, людей там в этот момент не было, так как дырявая крыша не спасала от дождя. Зато по затопленной улице корабликом отважно плыла маршрутка пригородного сообщения. Подрубленный «КамАЗом» навес накренился и лег точно на нее. Удивительным образом никто не пострадал, если не считать страданиями вынужденное купание пассажиров и водителя маршрутки в пенной луже. К нашему приезду над ней уже светило солнце, и его лучи красиво золотили волнующиеся ливневые воды.

Группа купальщиков сушила подмоченные одежды на лавочках в соседнем парке, и Вадик с удовольствием отснял несколько планов этого необычного пляжа. Я побеседовала с гибэдэдэшниками, которые на берегу гигантской лужи морщили лбы и чесали затылки в глубоком и безрезультатном раздумье, как бы им, не замочив ног, подобраться к «КамАЗу», чтобы взять за грудки его водителя. Позади «КамАЗа» выстроилась длинная вереница трамваев, они возмущенно трезвонили, в окошки летела дружная пассажирская ругань в адрес идиота-водителя, идиотов-гибэдэдэшников и идиотов – отцов города, не заботящихся о состоянии дорог и ливневой канализации. Не дожидаясь, пока рассерженные граждане начнут кричать про идиотов-телевизионщиков, я потихоньку отступила за парковые кусты и под их прикрытием прокралась к нашему «Ред Девилу».

Невозмутимый Саша за рулем пытался читать газету, которую он выловил из лужи. Газета была мокрая, но интересная. На первой полосе ее имелся карминно-красный заголовок «Бураховское слово», а на последней помещалось большое цветное фото улыбающейся черноглазой дивчины. «Мария Рататуй стала мисс «БС» в мае!» – гласила подпись под поясным портре-

том, на котором счастливая Мария была запечатлена в пышном цветочном венке на голове и при двух совершенно вангоговских подсолнухах на грудях. Подсолнухи тоже были пышные, но Мария еще пышнее, так что солнечные цветы не скрывали ее в высшей степени выдающегося бюста.

– Вот это конкурсы у людей, я понимаю! – укоризненно сказал Саша, шлепнув ладонью по влажной странице. – Мисс «БС»! Любо-дорого посмотреть! А мы опять кандидатов в депутаты выбираем, плюнуть не на кого, глянуть не на что!

– «БС» – это то, что я думаю? – непроизвольно облизнувшись на могучие выпуклости мисс Рататуй, спросил присоединившийся к нам Вадик. – Большие, так сказать, сиськи?

– Выбирай выражения, ладно? – недовольно попросила я.

– А что тебе не нравится? – Вадик сделал невинную морду. – После исторического конфликта Филиппа Киркорова и журналистки в розовой кофточке слово «сиськи» оскорбительным не считается. Это не я, а суд так постановил!

С судом я спорить не стала, но выдвинула предположение, что буквосочетание «БС» обозначает всего-навсего название газеты – «Бураховское слово».

– Бураховская – это станица такая километрах в семидесяти от города, – авторитетно сообщил Саша.

– Надо туда съездить, – сказал Вадик, бережно сворачивая газетку с фотографией грудистой мисс. – Такие люди в глубинке живут, а мы о них и не знаем!

На обратном пути в студию напарник пламенно агитировал меня съездить на съемки очередной телепередачи «Лица Родины» в станицу Бураховскую и так мне надоело, что я посоветовала ему предложить Мамаю открыть новый цикл программ передач под названием «Сиськи Родины».

– А что? – загорелся Вадик. – Суперпопулярная будет программа, все рейтинги перепрыгнем, и от спонсоров отбою не будет!

Эту животрепещущую тему мальчики обсуждали всю дорогу, а мокрую газету прилепили сушиться на стекло в редакторской, после чего к окну образовалось настоящее паломническое шествие, как к чудотворной иконе. Наши мужчины в молитвенном экстазе взирали на мисс «БС», горячо хвалили газету «Бураховское слово» и в едином порыве критиковали мелкие темы, освещаемые нашим собственным средством массовой информации.

– Как настоящие патриотки телевидения, мы должны эту гнусность пресечь! – поджав губы, сказала моя коллега журналистка Зина Курочкина и сорвала со стекла идейно чуждую нам газету.

Патриотизма у Зины имелось в избытке, а бюста не было вовсе, поэтому ее побудительные мотивы были понятны. Я не помешала коллеге избавить окно от затемняющей его (и сознание масс) желтой прессы, но скомкать и бросить газету в урну не позволила. Не Курочкина вылавливала это печатное издание из лужи – не ей и распоряжаться его дальнейшей судьбой.

– Пусть мальчики забирают эту мисс к себе в монтажку и делают с ней что хотят, – сказала я.

Зинка захрипела. Видно, представила, что хотели бы сделать с мисс «БС» наши мальчики, и задохнулась от возмущения. Или от зависти. Зинка у нас – убежденная старая дева. Моральные устои у нее такие же твердые, как организм, напрочь лишенный присущих нормальным женщинам мягких амортизирующих зон. Прокашлявшись, коллега начала честить на все корки безнравственную желтую прессу, но я не стала ее слушать, спрятала «Бураховское слово» к себе в стол и побежала в магазин за булочками к обеду.

Глава 3

За пять минут до начала официального обеденного перерыва Евгений Епанчишкин аккуратно сложил бумаги, над которыми корпел все утро, пожелал приятного аппетита сослуживицам, которые поголовно худели и потому питались на рабочем месте низкокалорийными йогуртами, и удалился – якобы в столовую. Сослуживицы проводили толстощекого румяного коллегу тоскливыми завистливыми взглядами и утешились тем, что после ухода Евгения обсудили и заклеями позором его не по возрасту рыхлую фигуру.

Епанчишкин никогда не любил низкокалорийных йогуртов, предпочитая им гамбургеры и жареную картошку, и к двадцати семи годам отрастил грушевидный животик и два ряда складочек на боках. Это не прибавило ему красоты и привлекательности. Женщины на Евгения не заглядывались, исключая сослуживиц, среди которых не было ни одной моложе сорока лет и стройнее самого Евгения.

Сослуживицы Епанчишкину не нравились. Он вообще считал, что все женщины – стервы, а молодые и красивые вовсе не заслуживают других слов, кроме непечатных. Коротая за калорийными бутербродами с колбасой одинокие вечера в маленькой комнате большой коммунальной квартиры, Евгений часто мечтал о том, как было бы хорошо, если бы господь в одночасье прибрал к себе всех красавиц. Епанчишкин готов был даже поспособствовать господу в этом благом деле, для чего и ушел сегодня с работы за пять минут до перерыва.

Женоненавистником Евгений сделался в один момент. Полгода назад у него еще была любимая девушка, Ольга, не писаная красавица, но вполне симпатичная барышня. Епанчишкину нравилась ее ладная фигурка и улыбочливое лицо, как нравилась и основательность, с какой Оля планировала свою жизнь. На каждый день у нее был свой сценарий, и она жила строго по расписанию. Во вторник и пятницу сразу после работы Ольга ехала в бассейн, в среду тащила милого в кино, по четвергам занималась вязанием, а в выходные навещала родственников и друзей. В парикмахерскую Ольга ходила каждый первый вторник месяца. Евгения эта точность умиляла, пока однажды ему не открылась страшная правда. В первый вторник декабря он по просьбе заболевшей сослуживицы заехал к ней после работы, чтобы передать зарплату, и встретил в лифте чужого дома свою Ольгу. Она впорхнула в кабину, оправляя на себе перекутившееся пальтишко и смеясь словам мужчины, который кричал ей вслед:

– Не уходи, детка, у тебя еще полно времени, давай сделаем это еще разок!

Вспомнив эту сцену, Евгений судорожно сжал кулаки и тяжело засопел.

Был первый вторник месяца.

Капитан Лазарчук сидел в засаде, которая имела вид картонной коробки от большого холодильника. Коробку на богоугодное дело пожертвовал кто-то из высокого милицейского начальства. Поскольку внутренний объем данной гофротары существенно превышал габариты самого Лазарчука, капитан был начальственным подаянием весьма доволен. Хотя он был бы еще более рад получить коробку вместе с ее законным содержимым. Саморазмораживающийся холодильник, прописавшийся в кухне Лазарчука лет десять назад, от старости начал мочиться под себя, так что по утрам капитан вынужден был вытирать тряпкой лужу на линолеуме.

В напряженной жизни капитана встречались и менее комфортабельные укрытия, а тут он устроился совсем неплохо. В «крыше» картонного домика для вентиляции был прорезан люк, в боках проверчены маленькие аккуратные дырочки, сквозь которые Лазарчук вел наблюдение за вверенной ему территорией – шестью квадратными метрами пассажирского лифта, куда сегодня, по всем расчетам, мог пожаловать маньяк.

Мерзавец, насилующий и убивающий женщин, промышлял именно в таких старых лифтах – просторных и тихих, при этом всякий раз оставаясь в пределах одного микрорай-

она. Оперативники провели инвентаризацию подходящих лифтов и выяснили, что из восьми имеющихся пять уже охвачены вниманием маньяка. В трех оставшихся в день, когда маньяк должен был выйти на свою охоту, устроили засады. Лазарчуку, который около двух часов сновал челноком между этажами и уже начал ощущать первые симптомы морской болезни, заметно легчало, когда он вспоминал о том, что два его товарища точно так же катаются вверх-вниз в скрипучих и грохочущих подъемниках.

Вообще говоря, охотничьей выдержки капитану было не занимать, к долгому многотерпеливому ожиданию в засаде он привык, однако его несколько нервировала необычная ситуация. Вокруг прячущегося в коробке Лазарчука роились граждане, не подозревающие о его присутствии. Это было чревато осложнениями. Влекомые на прогулку маленькие дети за спиной сопровождающих их взрослых засовывали в дырочки засадной коробки крепкие розовые пальчики, имея реальный шанс угодить в глаз капитану милиции. Собаки, чуя хоронящегося Лазарчука, рычали и грызли углы коробки, а одна маленькая и с виду вполне культурная болонка имела наглость на нее помочиться.

Какой-то дедок, поднимаясь с первого этажа на последний, всю дорогу неотрывно пялился на коробку и по прибытии на шестнадцатый этаж возжелал умыкнуть ее из лифта. Оторвать от пола картонную будку с помещающимся в ней Лазарчуком дед не смог. Капитан облегченно вздохнул, но радоваться, как оказалось, было рано. Настойчивый дедушка объявился двумя рейсами позже, и на этот раз при нем были грузчицкие ремни. Алчный старикан застопорил лифт, обмотал коробку веревкой и стал тянуть ее, как невод с особо крупной золотой рыбкой породы китовых. В этот самый момент глубоко законспирированный Лазарчук получил сообщение от наблюдателя: во дворе появился подозрительный тип, подходящий под описание маньяка.

– У-у, у-у! – в кварту взвыл капитан, умело имитируя милицейскую сирену.

– Ах ты, мать честная! – всполошился вороватый дедок. – Никак тут сигнализация!

От неожиданности он отпустил лифт, дверцы хищно лязгнули, и кабина пошла вниз.

– А ремни? Ремни-то мои! – взвизгнул дедок.

– Дам я тебе ремня, дам, не сомневайся! – пробормотал Лазарчук, остервенело тыча пальцем в наблюдательные дырочки, закрытые широкой лентой ремня.

Лифт без остановок приехал вниз и надолго замер. Капитан, пыхтя и обливаясь потом, успел проковырять ногтем новое смотровое отверстие, но всего одно и не очень хорошее, маленькое и подслеповатое. Когда Лазарчук прикинул к нему глазом, торчащие наружу лохмы расслоившегося картона придали его взгляду такую выразительность – куда там объемной туши для ресниц!

– В подъезд зашла девушка, – дистанционно прохрипел в ухо капитану вооруженный рацией наблюдатель. – Будь готов!

– Всегда готов! – по незабываемой пионерской привычке произвольно отсалютовал Лазарчук.

Цокая каблуками, в лифт кто-то вошел: девушка, понял Лазарчук. Из дырочки на него густо пахло парфюмерией.

– Секундочку подождите! – взмолился мужской голос. – А то я с чемоданом, тяжело по лестнице...

– Жду, – кокетливо чирикнула барышня.

Пол кабины чуть дрогнул – вошел второй пассажир.

– Спасибо, – сказал он.

Двери лязгнули, как челюсти, лифт дернулся и пошел вверх.

– Что вы делаете? – удивленно спросила девушка. И тут же испуганно ахнула.

– Сейчас узнаешь! – совсем другим – злодейским – голосом сказал мужчина.

В одинокое смотровое отверстие Лазарчук видел только его спину в светлой рубашке. Крыловидные лопатки под тонкой тканью энергично шевелились. Девушка невнятно мычала.

«Пора!» – понял капитан.

Он присел, подхватил снизу края коробки и с силой толкнул ее вверх. Картонная будка взлетела, как ракета, гулко ударилась крышей в потолок кабины и обрушилась вниз, но согнувшийся в три погибели Лазарчук успел скатиться с дощатого поддона и коlobком ударил под колени напряженно сопящего маньяка.

– Кто? – вынужденно сядя на спину капитана, изумленно обронил маньяк.

– Милиция! – торжествующе ответил Лазарчук, распрямляясь во весь рост и сбрасывая с себя седока, как норовистая лошадь.

Маньяк спиной и затылком шумно врубился в заднюю стенку кабины и по ней скатился на пол. Коробка, косо приземлившаяся мимо поддона и оказавшаяся в неустойчивом равновесии, повалилась набок и накрыла павшего сверху. Лазарчук в продолжение и развитие героической лошадиной темы злорадно заржал. Помятая девица, потрясенная эффектным появлением милицейской кавалерии, нервно хохотнула и дрожащим голосом молвила:

– Пряма Сивка-Бурка, в натуре! Встал передо мной, как лист перед травой!

Лазарчук приосанился. Барышня поспешно оправила задранную юбку, сдула локон со лба и уже спокойнее сказала:

– Гражданин начальник, лягните этого упыря копытом, чтобы не трепыхался, а то я за себя не ручаюсь! – и вытянула из дамской сумочки пистолет.

Капитан не был к этому готов, но отреагировал мгновенно: заломил девице руку за спину и отнял оружие, оказавшееся при ближайшем рассмотрении газовым. Затем он все-таки проявил галантность и выполнил пустяковую просьбу барышни, с чувством пнув копошащегося на полу маньяка. После чего освободил задержанного от коробки, а коробку от ремня.

Пуф-ф-ф! – удовлетворенно сказал лифт, останавливаясь на шестнадцатом этаже.

Дрынь! – открылись двери.

– Мой ремень... – стервозным голосом начал было вороватый дедок, но осекся, увидев Лазарчука, который старательно и умело вязал одним длинным ремнем маньяка и его несостоявшуюся жертву. – Нет-нет, ничего не надо! К черту этот ремень, оставьте его себе!

– На долгую память! – не отрываясь от дела, с сарказмом подсказал Лазарчук.

Он обоснованно полагал, что этот сеанс лифтового катания забудет не скоро.

– Капитан, ну что у тебя? – озабоченно прохрипела рация. – Ты взял гада?

– Взял.

На первом этаже их уже ждали. Лазарчук сдал с рук на руки засидевшимся без дела коллегам маньяка и девицу, а сам вышел во двор, проскакал по лужам на свободный от транспорта пятак и под ясным небом с хрустом потянулся.

– Серега, тебя начальство хочет! – с мобильным телефоном в вытянутой руке прибежал один из коллег, а свободной рукой хлопнул Лазарчука по спине: – Молодчага! Готовься принимать поздравления!

Герой дня приложил к уху трубку и доложил:

– Капитан Лазарчук, слушаю!

– Слушай, капитан! – противным голосом забубнил в трубке начальник пресс-службы ГУВД края полковник Сидоркин. – Ты, конечно, сегодня именинник, с маньяком я тебя поздравляю, а все равно ругать буду. Ты чего это бабками раскидываешься, а?

– Да какими бабками?! – от неожиданности капитан не сдержал возмущения и уже хотел откровенно сказать, что милицейскую зарплату бабками, то есть деньгами, вообще считать нельзя, но полковник его перебил.

– Какие уж там у тебя взаимоотношения с бабками, я вникать не буду, – заявил он. – Я тебе так скажу: бабки – они тоже люди, и относиться к ним надо по-человечески!

Тут полковник добавил в голос лирической грусти и с глубокой задушевностью молвил:
– Вон Пушкин Александр Сергеевич не тебе чета, солнце русской поэзии, а как трепетно писал о своей бабке Арине Родионовне: «Подружка дней моих суровых, голубка дряхлая моя»! Голубка, ты понял? – начальственный голос снова заметно построжал. – А твоя бабуся по вокзалу скитается, как бездомный воробей!

Упоминание имени великого русского поэта в сочетании со словами «бабуся» и «вокзал» породило у взволнованного Лазарчука страшное подозрение.

– Если вы это, товарищ полковник, про Татьяну Ларину говорите, то она никакая не моя! – поспешил он откеститься от чужой любвеобильной старушки.

– Ты мне, капитан, лапшу на уши не вешай! – прикрикнул на него Сидоркин. – Из линейного УВД на транспорте звонили, сказали, что подобрали на вокзале престарелую гражданку Ларину, которая утверждает, что ее должен был встретить Сергей Петрович Лазарчук. Они пробили ФИО по базе – ты у нас в городе один с таким именем и фамилией, так что не отлынивай, забирай свою бабуся до дому до хаты. На вокзале она обретается, в отделении.

– Подруга называется! – прошипел Лазарчук, мысленно кляня Ленку, которая не смогла позаботиться о навязчивой бабуле Татьяне Лариной должным образом.

– Дней суровых! – смешливо поддакнул Сидоркин.

Глава 4

До булочной я не дошла, потому что во дворе меня перехватила Ирка. Она ожидала моего выхода, сидя в машине и злобно обгрызая твердый шоколадный батончик. Глубоко погруженная в мечты о чаепитии со свежей сдобой, я бы пробежала мимо подружкиной «шестерки», но Ирка опустила передо мной импровизированный шлагбаум, высунув руку с батончиком в окошко.

– Это мне? – приятно удивилась я, увидев шоколадку.

Сладкоежка Ирка поспешно втянула руку обратно, однако ей все-таки хватило совести признаться, что батончик у нее не единственный. Я в этом и не сомневалась: у подружки всегда при себе не меньше конфет, чем у запасливого солдата патронов.

Я села в машину, открыла «бардачок» и выбрала себе пузатенький «Киндер-сюрприз».

– Не подавись, – предупредила Ирка.

Я подумала, что она упрекает меня в жадности, но подружка просто проявила заботу.

– В этих шоколадных яйцах коварно прячут всякую мелкую несъедобную фигню, – недобро объяснила она. – Я чуть не подавилась пластмассовым шариком, в котором сидел маленький уродливый крокодильчик!

– Зачем же ты их покупаешь? – спросила я, осторожно вынимая из яйца несъедобную начинку. – Смотри-ка, а мне бегемотик попался! И не уродливый, симпатичный!

– Зачем я их купила? – Ирка почесала в затылке. – Подсознательно, наверное. Это же детское лакомство, а меня какой-то пацаненок уже второй день преследует.

– Тебя преследует пацаненок? – Я с новым интересом оглядела подружку.

Выглядела она прекрасно, на все сто. Я имею в виду сто килограммов, потому что именно таков Иркин идеальный вес. Она «тянет» на центнер, но это звучит не очень приятно только на слух. На глаз Ирка настоящая красотка роскошных форм. Однако представить себе, что за ней ухлестывает какой-то пацаненок, я затруднялась. Очень молодые люди редко бывают ценителями крупных форм.

– Не в том смысле преследует, – поймав мой оценивающий взгляд, подружка отрицательно помотала рыжекудрой головой. – Он звонит мне на мобильник и жалобно хнычет: «Тетенька, я перепутал номер и положил на ваш счет сто рублей, верните их, пожалуйста!»

– Сами мы не местные, от поезда отстали, голодаем и скитаемся, подайте сколько не жалко! – подхватила я, уловив интонацию и кстати вспомнив сольный номер лейтенанта Белова. – А тебе жалко вернуть ребенку столик, что ли?

– Не жалко, – возразила Ирка. – Только на мой счет никаких ста рублей не поступало, я проверяла. И номер, с которого звонит пацан, на мой совсем не похож, так что перепутать их невозможно. Видимо, у мальчика с памятью не по возрасту плохо, и он свои сто рублей не себе или не мне, а кому-то третьему запулил.

– Пошли его разбираться с оператором, – посоветовала я.

– Посылала, – кивнула Ирка. – А меня в ответ тоже послали, совсем не по-детски! Короче, за два дня маленький грубиян звонил мне уже двенадцать раз, и я на эти разговоры уже гораздо больше того столика потратила! Вот скажи, что мне делать?

– Да отдай ты ему эти сто рублей, и пусть отвяжется! – я пожалала плечами.

– Легко сказать – отдай! Видишь, какая ненадежная система, платежи идут черт знает куда! Я положу ему на счет столик, денежки опять ухнут мимо, и тогда этот желторотый склеротик меня просто заклюет! Я и так уже вздрагиваю всякий раз, когда мобильник звонит.

Тут упомянутый аппарат, словно подслушав Иркины речи, злорадно затрезвонил, и подружка, как и обещала, крупно вздрогнула.

– Ну вот! Опять он! – посмотрев на входящий номер, в отчаянии воскликнула она.

– Дай мне! – Я решительно забрала у нее трубку и приложила ее к уху: – Алло?

– Тетенька, верните мне мои сто рублей! – заканючил шепелявый и картавый детский голос.

Дефектов речи у пацана было столько, что хватило бы на троих. Я подумала, может, эти сто рублей для него и впрямь очень важны? Может, ему на логопеда не хватает?

– Мальчик, слушай меня внимательно! – твердым голосом педагога со стажем сказала я. – Приезжай сегодня на угол Западной и Зеленой, найдешь офис фирмы «Наше семя» и спросишь Ирину Иннокентьевну. Она даст тебе сто рублей. Наличные возьмешь, надеюсь?

– Запросто! – обрадовался пацан. – Уже можно ехать?

– Давай через час, – попросила я, прикинув, как скоро Ирка доберется до своего офиса. Я выключила трубку, вернула ее подружке и сказала:

– Вот и вся проблема!

Тут я вспомнила, как ловко решила поутру частную проблему Сереги Лазарчука, и гордо добавила:

– Знаешь, с юными склеротиками разбираться даже легче, чем с возрастными.

– Ты это о ком? – заинтересовалась повеселевшая подруга.

– Поехали пообедаем где-нибудь, и я расскажу тебе один анекдот, – пообещала я. – Только это страшная тайна Сереги Лазарчука, так что ты пообещай молчать.

– Чтоб я сдохла! – жарко выдохнула Ирка и перекрестилась недоеденным батончиком.

Мы поехали в кафе, устроились за столиком на веранде с видом на искусственное озеро с декоративным водопадом, и под шум струй я рассказала Ирке драматическую историю короткой любви Сергея Лазарчука и Татьяны Лариной. Подружка смеялась и фыркала, разбрызгивая крошку, а потом сказала:

– Зря ты отшила влюбленную бабушку. Может, это была Серегина судьба? Легкомысленные чувствительные девушки у него как-то не задерживаются, а старушка наверняка терпелива и мудра, так что вполне могла прижиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.